

Б. А. Успенский

Имя и титул

Этимология титулов часто весьма прозрачна, и тем не менее ее рассмотрение может представлять большой интерес для истории культуры: в титулах, так же как в эмблемах, монетах, печатях и т. п., прослеживаются самые разнообразные традиции, и прежде всего культурная ориентация.

Это вполне очевидно при заимствовании титулов. Особенно же интересны при этом случаи, когда обозначение монарха (правителя) восходит не к титулу как таковому, а к имени собственному. Так, например, славянское слово *царь* восходит к имени Гая Юлия Цезаря (Фасмер, IV, с. 290–291)¹, слово *король* — к имени Карла Великого (Фасмер, II, с. 333–334), литовское *valdymieras* («правитель») — к имени Владимира Святого (Фрэнкель, 1955–1965, с. 1188).

Как это происходит? Каким образом имя собственное превращается в титул?

В некоторых случаях этот процесс может быть прослежен с относительной подробностью. Так, после смерти Гая Юлия Цезаря, с возникновением империи, его имя (*Caesar*) становится устойчивым компонентом наименования римских императоров². Первоначально оно

¹ К этому же имени восходит греч. *καῖσαρ* или нем. *Kaiser*.

² Гай Октавий, будущий император Август, стал именоваться «Цезарем» после того, как был усыновлен Гаем Юлием Цезарем (своим двоюродным дедом) в 45 г. до н. э. Это отвечало римской традиции наименования при усыновлении: при рождении он был назван Гаем Октавием (*Gaius Octavius*) вслед за своим родным отцом, Гаем Октавием; после усыновления он стал Гаем Юлием Цезарем Октавианом (*Gaius Julius Caesar Octavianus*) вслед за своим приемным отцом. Приняв титул императора, Октавиан изменил его употребление: он стал писать его на месте личного имени: «*Imperator Caesar divi Iulii filius*» (42 г. до н. э.); слово *Caesar* в именительном падеже относится здесь к самому Октавиану, а не к Юлию Цезарю (имя которого стоит в родительном падеже); это свидетельствует об ассоциации слов *Imperator* и *Caesar*. Позднее, когда Сенат присвоил ему наименование *Augustus* (27 г. до н. э.), его титул принял форму: «*Imperator Caesar divi filius Augustus*». Его преемник, Тиберий (*Tiberius Claudius Nero*), был усыновлен Августом в 4 г. н. э. с именем «*Tiberius Iulius Caesar*»; таким образом устанавливается прецедент, когда император назначает преемника, усыновляя его и давая ему имя «Цезарь».

фигурировало как имя собственное и лишь впоследствии превращается в апеллатив³. Будучи заимствовано в другие традиции, это слово окончательно теряет характер собственного имени и оказывается элементом титула в собственном смысле.

Так можно объяснить происхождение титула *царь*. Но возможно ли объяснить подобным образом происхождение славянского титула *король* или литовского наименования *valdymieras*? Кажется, у нас нет для этого оснований, и приходится предполагать, что славяне и литовцы ориентировались на образ могущественного правителя, который олицетворялся — в преданиях? — в образе Карла или Владимира.

Как бы то ни было, коль скоро речь идет о титуле, его усвоение в принципе должно иметь ритуальный характер, предполагая ту или иную формулу с перформативным значением. В этой связи обращают на себя внимание два эпизода, о которых рассказывают русские летописи (см. о них: Литвина и Ф. Успенский, 2006, с. 434–435).

В Ипатьевской летописи описывается, как в 1148 г. Изяслав Мстиславович, князь киевский, вступает в Новгород (где княжил его сын, Ярослав Изяславич), призывая их выступить против своего стрья (брата отца), князя Юрия Владимировича (Долгорукого). Новгородцы и псковичи, собравшись на вече, ему отвечают: «Ты наш кн[я]зь, ты наш Володимиръ, ты наш Мьстиславъ» (ПСРЛ, II, 1908, стлб. 370): они признают Изяслава Мстиславича своим князем, называя его при этом именем его деда (Владимира Всеволодовича Мономаха) и отца (Мстислава Владимировича Великого).

Сходным образом Летописец Переяславля Залесского рассказывает, как князь Ярослав Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо, в 1213 г., вступив в Переяславль, сообщает жителям города (Переяславля), что отец его умер, завещав ему Переяславль, и спрашивает их, согласны ли они принять его князем, как принимали его отца. Те отвечают: «Велми, г[о]с[поди]не, тако буди, ты наш г[о]с[поди]нь, ты Всеволодь» (ПСРЛ, XLI, 1995, с. 130).

В обоих случаях, признавая его своим господином, горожане называют князя не его собственным именем, а именем его отца (в первом случае — как отца, так и деда).

Приведем еще пример, где подобное обращение звучит в устах не горожан, а князя, который выражает таким образом свою вассальную

³ Слово *Caesar* определенно превращается в апеллатив уже в 68/69 г. н. э. — в так называемый «год четырех императоров», когда после самоубийства Нерона на протяжении короткого периода времени четыре императора (Гальба, Отон, Вителлий, Веспасиан) сменяют один другого и появляется форма множественного числа: *Caesares*.

зависимость от другого князя (этот пример был любезно указан нам Ф. Б. Успенским). Согласно Ипатьевской летописи, в 1288 г. Юрий Львович, князь белзский (будущий князь галицко-волынский), просил у своего стрья, волынского князя Владимира Васильковича⁴ отдать ему Берестье (Брест). Тот отказался это сделать и отправил посла к своему двоюродному брату, луцкому князю Мстиславу Даниловичу, призывая того ничего не давать Юрию Львовичу. Выражая свою готовность подчиниться воле Владимира Васильковича, Мстислав Данилович отвечал: «Ты же ми брать, ты же ми ѿ[те]ць мои, Данило король, ѿже ма еси приаль подь свои роуць, а что ми велишь, а га радь, господине, тебе слоушаю» (ПСРЛ, II, 1908, стлб. 912). Таким образом, Мстислав Данилович называет своего двоюродного брата именем своего отца, Даниила Романовича Галицкого (который в 1253–1254 гг. был помазан и коронован как король, см.: Б. Успенский, 1998, с. 14, примеч. 1)⁵.

Разумеется, такого рода случаи очень напоминают наименование правителя «новым Давидом», «новым Константином», «новым Владимиром» или же, например, «вторым Всеволодом» (как это значится на ктиторской надписи Нередицкой церкви)⁶, «вторым по Соломоне» (так летописец называет Даниила Романовича Галицкого, см.: ПСРЛ, II, 1908, стлб. 862) и т. п.⁷

Существенно, однако, что в данном случае правитель называется так не в 3-м, а во 2-м лице, т. е. к нему непосредственно о б р а щ а ю т с я

⁴ В данном случае стрьем называется двоюродный брат отца. Отцом Юрия Львовича был галицкий князь Лев Данилович, сын князя Даниила Романовича, внук князя Романа Мстиславича. Даниил Романович Галицкий приходился дядей Владимиру Васильковичу (он был родным братом его отца, Василько Романовича).

⁵ При этом сам Мстислав Данилович в грамоте 1289 г. именуется себя: «Се азъ князь Мстиславъ, с[ы]нъ королевъ, вноукъ Романовъ» (ПСРЛ, II, 1908, стлб. 932), т. е. он называет себя сыном Даниила Романовича и внуком Романа Мстиславича; слово «король» выступает при этом как имя собственное, обозначая короля Даниила. Таким образом, наряду с примерами, когда имя собственное превращается в титул, возможны и случаи, когда титул превращается в имя собственное (см. об этом ниже).

⁶ На фреске в церкви Спаса Нередицы изображен новгородский князь Ярослав Владимирович, который уподобляется новгородскому же князю Всеволоду Мстиславичу.

⁷ Так, собственно, это и трактуется в работе: Литвина и Ф. Успенский, 2006, с. 43. К традиции наименования такого рода см., в частности: Б. Успенский, 1998, с. 235, а также с. 122 (примеч. 13), 456 (примеч. 54), 471 (примеч. 7).

таким образом, и это обращение, как кажется, имеет перформативный характер, обозначая именно признание князя как легитимного государя или сюзерена.

Следует подчеркнуть вместе с тем, что в случае наименования кого-либо «новым» или «вторым» Давидом, Константином и т. п. имеет место сопоставление его с названным лицом или, иначе говоря, уподобление его этому лицу⁸; в данном же случае, как кажется, имеется в виду его прямое отождествление.

Добавим, наконец, что при наименовании «новым (вторым)» Давидом, Константином и т. п. речь идет о характеристике идеального правителя, образ которого и олицетворяет названное лицо (т. е. Давид, Константин и т. д.); между тем, в приведенных примерах имеется в виду другое, а именно, признание юридических полномочий князя (права княжить в том или ином месте или вообще распоряжаться тем или иным образом). Так, в первых двух эпизодах, которые были рассмотрены выше, речь идет о легитимности князя, основанной на праве преемства. В одном из них власть Изяслава Мстиславича над Новгородом признается столь же законной, как и власть его деда (Владимира Мономаха) и отца (Мстислава Великого, который, кстати, долгое время княжил в Новгороде). В точности так же в другом эпизоде власть Ярослава Всеволодовича над Переяславлем признается столь же законной, как и власть его отца (Всеволода Большое Гнездо). Наконец, в третьем эпизоде проявляются вассальная зависимость Мстислава Даниловича по отношению к Владимиру Васильковичу, признание его права отдавать распоряжения.

Нельзя ли предположить, что такого рода формула могла — в каких-то случаях — способствовать переходу имени собственному в титул?

Характерным образом сербские государи династии Неманичей (XIII–XIV вв.) при вступлении на престол принимали имя Стефан — по имени великого жупана Стефана Немани (1113/1114–1200), родоначальника династии, заложившего основу сербского государства. В 1196 г. он отрекся в пользу своего второго сына, которого также звали Стефаном (ок. 1165–1228), ставшим затем королем Сербии (Стефан Первовенчаный)⁹. Уже дети последнего Радослав и Владислав

⁸ Это очень ясно, например, у Пушкина: «Второй Чедаев, мой Евгений / Боясь ревнивых осуждений / В своей одежде был педант...» («Евгений Онегин», I, 25).

⁹ В 1217 г. он получил королевский титул от папы римского, в 1222 г. был коронован снова, уже по православному обряду, своим братом св. Саввой,

получают имя Стефан при вступлении на престол (называясь, соответственно, Стефан Радослав и Стефан Владислав).

Если при этом и не произносилась формула, аналогичная цитированным выше русским фразам (типа «ты еси Стефан»), то содержание такого рода, несомненно, подразумевалось.

Аналогичное явление может наблюдаться в церковной сфере, где иерарх может прямо ассоциироваться с предполагаемым основоположником церковной традиции. Так, например, у несториан католикос всегда принимает имя Симон, называя себя именем апостола Симона Зилота (Эттвотер, 1937, с. 226).

*

Нечто похожее, хотя и в другой форме, имеет место у католиков, где каждый папа отождествляется с апостолом Петром. Начиная по крайней мере с V в. на Западе предполагается, что папа представляет собой мистическое воплощение Петра (см.: Б. Успенский, 1998, с. 478–482): считается, что Петр живет в папе, говорит и действует через него; иначе говоря, каждый папа понимается как «земной Петр»: слова его и действия имеют такую же силу, как если бы принадлежали самому Петру¹⁰. Речь идет, таким образом, не о преемственной связи с апостолом Петром как первым римским епископом, а о прямой и непосредственной связи с ним: каждый папа связан с Петром именно непосредственно (а не через своего предшественника). Определение папы римского как «викария Христа» («vicarius Christi»), которое появляется в конце V в. (при папе Геласии I, 492–496) и становится общеупотребительным при папе Иннокентии III (1198–1216), также указывает на соотнесение со св. Петром, поскольку с начала V в. именно так называется св. Петр; тем самым, папа оказывается в том же отношении к Петру, что Петр — к Христу. Соответственно, папа воспринимается как глава всех церквей («caput omnium ecclesiarum») или, что то же, как глава вселенской Церкви («caput ecclesiae»); так называется уже папа Целестин I и затем Лев I¹¹.

архиепископом Сербским (см.: Б. Успенский, 1998, с. 515–516). В бытность великим жупаном, вплоть до венчания королевской короной (1217 г.) его имя полностью повторяло отцовское — Стефан Неманя (указано А. А. Туриловым).

¹⁰ Об этом говорится уже при папе Целестине I (422–432) и затем — особенно настойчиво — при папе Льве I (440–461).

¹¹ Естественным следствием такого понимания является представление о догматической непогрешимости папы; в дальнейшем оно закономерно приводит к принятию догмата непогрешимости.

Итак, с точки зрения католиков, каждый папа и есть Петр, и слова Христа, обращенные к апостолу Петру: «Ты еси Петр» (Матф. XVI, 18), относятся и каждому преемнику последнего на римской кафедре. Петр имманентно присутствует в каждом папе и имплицитно — в его наименовании¹². Это проявляется в том, что, принимая новое имя после избрания на римскую кафедру, папа не может выбрать имя «Петр»: став папой, он уже им является.

Более того: сама необходимость изменения имени при поставлении папы определенным образом оказалась связанной, видимо, с невозможностью носить имя Петр (см.: Гибауф, 2001, с. 69–70, 73). Первый бесспорный случай такого рода имел место в 983 г., когда Петр, епископ павийский, становится Иоанном XIV: он не мог оставаться Петром — с именем, которое получил при крещении. Вскоре после этого папой становится Сергей IV (1009–1012), по прозвищу «Os Rosci» или «Висса Росса», т. е. «Свиное рыло»; его мирским именем тоже было Петр, и смена имени объясняется так же, как и в случае Иоанна XIV (983–984)¹³. Именно с понтификата Сергея IV принятие папой нового имени становится нормой — вплоть до наших дней¹⁴. И в дальнейшем кандидаты на папский престол, именующиеся Петром, всегда отказываются от этого имени¹⁵.

¹² Константин (Кирилл) Стилб (Στιλβής), митрополит кизический, в своем антикатолическом трактате, написанном около 1204 г., упрекает католиков в том, что те верят, что «папа не наследник Петра, но сам Петр» (Даррузес, 1963, с. 72).

¹³ В базилике св. Иоанна Латеранского читается эпитафия: «Sergius ex Petro sic vocitatus erat, Ductus mente pia» («Он был назван из Петра Сергием, руководимый благочестивым разумом»).

¹⁴ После Сергея IV были только два папы, которые сохранили свое крестильное имя: Адриан VI (1522–1523) и Маркелл II (1555), а также два антипапы: Теодерик (1100–1101) и Альберт/Адальберт (1101).

¹⁵ Таких случаев было довольно много: Иоанн XIV (983–984), Сергей IV (1009–1012), Гонорий II, антипапа (1061–1064), Аналект II, антипапа (1130–1138), Иннокентий V (январь–июнь 1276), Иоанн XXI (1276–1277), Целестин V (1294–1296), Николай V, антипапа (1328–1333), Климент VI (1342–1352), Григорий XI (1370–1378), Бонифаций IX (1389–1404), Бенедикт XIII, антипапа (1394–1417), Александр V, антипапа (1409–1410), Павел II (1464–1471), Павел IV (1555–1559), Александр VIII (1689–1691).

Среди пап был только один св. Петр — Целестин V (1294–1296), в миру Пьетро дель Морроне (он был ранее отшельником), который оставил папский престол и снова стал называться «братом Пьетро». После этого он был арестован своим преемником Бонифацием VIII, умер в заточении и уже в этом

*

Мы говорили о случаях превращения собственного имени в титул. Но возможна и обратная ситуация, когда, напротив, титул превращается в собственное имя. Особенно любопытна в этом отношении история имени Магнус. Как свидетельствует Снорри Стурлуссон в «Саге об Олаве Святом», это имя появляется в Скандинавии и восходит к титулу Карла Великого (*Magnus* «Великий»)¹⁶; впервые так назван был Магнус Добрый (1024–1047), побочный сын Олава Святого; в дальнейшем имя Магнус закрепляется в норвежской традиции престолонаследия в качестве специального имени для бастарда, который призван занять на троне место отца (см.: Ф. Успенский, 2001, с. 12–13). Вообще говоря, использование слова, обозначающего титул, в качестве личного имени или прозвища, отнюдь не является редкостью. Так, например, среди древнерусских личных имен (прозвищ) можно встретить такие имена, как *Боярин*, *Князь*, *Король*, *Салтан*, *Бискуп*

качестве, как «брат Пьетро», был канонизирован в 1313 г. как исповедник (по настоянию Филиппа IV, короля Франции, выступавшего против Бонифация VIII). Это — исключение, подтверждающее правило.

¹⁶ При этом наименование Карла «Великим» первоначально было связано, по-видимому, с тем, что у него был сын Карл, которого называли Карлом Юным — иначе говоря, с необходимостью различать двух Карлов, великого и малого. В свое время германцы не давали имя живого отца; нарушение этого традиции начинается, по-видимому, у франков, а именно, у Каролингов, которые начинают давать детям свое имя. Так, Пипин Короткий (714–768) называет Пипином своего младшего сына (в 759 г.), а Карл Великий (742–814), сын Пипина, дает своему старшему сыну от брака с Хильдегардой — первому сыну, родившемуся во время его правления, и, видимо, первому законному его сыну — имя Карл (в 772 г.). В свою очередь, Людовик Благочестивый (778–840), сын Карла Великого, дает свое имя — Людовик — одному из своих сыновей (в 805 г.). При этом остальные дети Пипина Короткого, Карла Великого и Людовика Благочестивого были названы в честь скончавшихся родичей — в соответствии с традицией.

«Великим» (*Magnus*) Карла начали называть задолго до его императорской коронации 800 г. — можно предположить, что это случилось после рождения Карла Юного. Впоследствии — как кажется, в связи с императорской коронацией — это наименование, по-видимому, было переосмыслено как панегирическое. Во время этой коронации римский народ в соборе св. Петра провозглашает Карла «Августом» и «Великим»: «*Karolo piissimo Augusto a Deo coronato magno et pacifico imperatore [sic!] vita et victoria!*» (Дюшен, II, с. 7, § 23), и в дальнейшем данное наименование входит в его титул. См.: Б. Успенский, 2012, с. 28.

(Тупиков, 1903, с. 119, 239, 254–255, 404, 104), ср. также *Владыка, Посол, Атаман, Поп* (с. 143, 374, 88–89, 370–371), не говоря уже о таком прозвище, как *Великой* (с. 138). Особенностью имени Магнус является то, что имя это является не прозвищем, а крестильным именем: Магнус Добрый, как и последующие норвежские конунги, получает это имя при крещении.

Цитируемая литература

- Гиббауф, 2001 — *Gießauf J.* Überlegungen zu den Anfängen päpstlicher Namenwechsel // *Acta onomastica*, XLI–XLII, 2001 (S. 63–96).
- Даррузес, 1963 — *Darrouzès J.* Le mémoire de Constantine Stilbés contre les Latins // *Revue des études byzantines*, t. XXI, 1963 (с. 50–100).
- Дюшен, I–III — *Le liber pontificalis. Texte, introduction et commentaire par L. Duchesne*, t. I–III. Roma; Paris, 1886–1957 [t. I–II. Roma, 1886–1892 (репринт: Paris, 1955–1957); t. III. Paris, 1957].
- Литвина и Ф. Успенский, 2006 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- ПСРЛ, I–XLIII — Полное собрание русских летописей, т. I–XLIII. СПб. (Пг., Л.); М., 1841–2004.
- Тупиков, 1903 — *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен // *Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества*, т. 6. СПб., 1903 (с. 57–915). Репринт (под ред. Ф. Б. Успенского). М., 2005.
- Б. Успенский, 1998 — *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- Б. Успенский, 2012 — *Успенский Б. А.* Из истории имянаречения: Запрет на повторение имени отца при наименовании ребенка // *Именослов: История языка, история культуры*. Под ред. Ф. Б. Успенского. М., 2012 (с. 26–33).
- Ф. Успенский, 2001 — *Успенский Ф. Б.* Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
- Фасмер, I–IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева, т. I–IV. М., 1964–1973.
- Фрэнкель, 1955–1965 — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1955–1965.
- Эттвотер, 1937 — *Attwater D.* Dissident Eastern Churches. Milwaukee, Wisconsin, [1937].